

УДК 94(476)«19»+322(476)(091)«19»

ВМЕШАТЕЛЬСТВО ОРГАНОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ В ДЕЛА РЕЛИГИОЗНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ В 1917–1928 гг. (НА ПРИМЕРЕ ПРАВОСЛАВИЯ И ПРОТЕСТАНТИЗМА)

И. И. ЯНУШЕВИЧ¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

На примере православной и протестантских церквей рассмотрен процесс вмешательства органов государственной власти во внутренние дела религиозных организаций в 1917–1928 гг. Проанализированы механизмы воздействия на верующих, клир и руководство этих структур. Определено, что основное давление оказывалось в целях получения поддержки, в том числе публичной, всех государственных решений, касающихся внутренней и внешней политики. Установлено, что уменьшить количество прихожан канонической Русской православной церкви власти планировали посредством предоставления преференций иным конфессиям и религиозным течениям, а также дробления церкви путем инспирирования расколов. Изучена попытка передачи управления Русской православной церковью группе духовенства, сформированной государственными органами, неканоническим путем.

Ключевые слова: Русская православная церковь; сектантские организации; коммунистическая партия; обновлениечество.

УМЯШАННЕ ОРГАНАЎ ДЗЯРЖАЎНАЙ УЛАДЫ Ў СПРАВЫ РЭЛІГІЙНЫХ АРГАНІЗАЦЫЙ У 1917–1928 гг. (НА ПРЫКЛАДЗЕ ПРАВАСЛАЎЯ І ПРАТЭСТАНТЫЗМУ)

І. І. ЯНУШЭВІЧ^{1*}

^{1*}Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, пр. Незалежнасці, 4, 220030, г. Мінск, Беларусь

На прыкладзе праваслаўнай і пратэстанцкіх цэркваў разгледжаны працэс умяшання органаў дзяржаўнай улады ва ўнутраныя справы рэлігійных арганізацый у 1917–1928 гг. Прааналізаваны механізмы ўздзеяння на вернікаў, клір і кіраўніцтва гэтых структур. Вызначана, што асноўны ціск аказваўся з мэтай атрымання падтрымкі, у тым ліку публічнай, дзяржаўных рашэнняў, звязаных з унутранай і знешняй палітыкай. Устаноўлена, што паменшыць колькасць вернікаў кананічнай Рускай праваслаўнай царквы ўлады планавалі з дапамогай прадастаўлення прэферэнцый іншым канфесіям і рэлігійным плыням, а таксама драбнення царквы шляхам інспіравання расколаў. Вывучана спроба перадачы кіравання Рускай праваслаўнай царквой групе духавенства, сфарміраванай дзяржаўнымі органамі, некананічным шляхам.

Ключавыя словы: Руская праваслаўная царква; сектанцкія арганізацыі; камуністычная партыя; абнаўленцтва.

Образец цитирования:

Янушевич ИИ. Вмешательство органов государственной власти в дела религиозных организаций в 1917–1928 гг. (на примере православия и протестантизма). *Журнал Белорусского государственного университета. История.* 2021;4:21–30.
<https://doi.org/10.33581/2520-6338-2021-4-21-30>

For citation:

Yanushevich II. Interference of state authorities in the internal affairs of religious organisations in 1917–1928 (on the example of Orthodoxy and Protestantism). *Journal of the Belarusian State University. History.* 2021;4:21–30. Russian.
<https://doi.org/10.33581/2520-6338-2021-4-21-30>

Автор:

Иван Иванович Янушевич – кандидат исторических наук, доцент; проректор по воспитательной работе и социальным вопросам.

Author:

Ivan I. Yanushevich, PhD (history), docent; vice-rector for social and educational work.
yanush@bsu.by

INTERFERENCE OF STATE AUTHORITIES IN THE INTERNAL AFFAIRS OF RELIGIOUS ORGANISATIONS IN 1917–1928 (ON THE EXAMPLE OF ORTHODOXY AND PROTESTANTISM)

I. I. YANUSHEVICH^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

Using the example of the Orthodox and Protestant churches, the process of interference by state authorities in the internal affairs of religious organisations in 1917–1928 is considered. The mechanisms of influence on believers, clergy and the leadership of these structures are analysed. It is determined that the main pressure was exerted to obtain, including public, support for all decisions of state bodies concerning domestic and foreign policy. It is established that the authorities planned to reduce the number of parishioners of the canonical Russian Orthodox Church by granting preferences to other confessions and religious movements, as well as its fragmentation by inspiring schisms. An attempt to transfer the management of the Orthodox Church formed by state bodies in a group of clergy in a non-canonical way has been studied.

Keywords: Russian Orthodox Church; sectarian organisations; communist party; renovationism.

Коренные изменения в Российской империи в 1917 г. установили власть политических сил новой формации, остро нуждавшихся в обосновании закономерности своего появления. Программные документы РСДРП требовали ликвидации религии и Церкви, однако уже в первые годы стало ясно, что быстро осуществить это невозможно и для постепенного уничтожения религиозных организаций необходимо задействовать и негласные формы работы.

В советской историографии вопрос не мог быть рассмотрен. И партийная пропаганда, и историки, и религиоведы однозначно указывали на невмешательство Советского государства в дела религиозных организаций, что и было закреплено в действующих нормативных актах. Проводимую властями политику исследователи оценивали исключительно на основании ленинских принципов, а внутрицерковные процессы трактовали как приспособленчество старорежимных сил к социалистической действительности и конкуренцию культов за своих последователей [1–3]. Следует отметить, что, кроме идеологических рамок, ученые сталкивались со значительными ограничениями по использованию архивных источников. Только доступ к материалам дел непосредственных исполнителей государственной политики по отношению к религии и Церкви и опубликование этих данных в сборниках документов [4–6] позволили определить степень влияния официальных органов на внутрицерковные вопросы [7–8]. Особенно значимо было влияние властей при организации и насаждении расколов в Русской православной церкви (РПЦ) посредством поддержки и курирования центробежных сил [9–10]. Формируемая в СССР политическая система не допускала возможности существования реальных оппозиционных сил. В полной мере это касалось религиозных организаций, руководство и клир ко-

торых должны были не только не допускать каких-либо антигосударственных действий, но и публично оказывать поддержку социально-экономическим преобразованиям. В то же время исполнение пастьерского долга требовало обеспечить верующим возможность полноценного исповедования своей религии¹ [11–13].

Молодое советское правительство уже в 1917–1918 гг. заявило о полном отделении Церкви от государства и школы от Церкви. Власти определили органы, на которые была возложена функция контроля за соблюдением религиозными структурами соответствующего законодательства². Государство, провозгласившее своей целью построение безрелигиозного общества, допускало временное существование церковных структур при полном их подчинении интересам уполномоченных органов: ВЧК (ОГПУ), коммунистической партии, исполнительной вертикали. В 1920-х гг. церковный вопрос достаточно остро стоял на повестке дня, в том числе в рамках внутривластной борьбы и привлечения сторонников из региональных партийных организаций. Это касалось главным образом резких пропагандистских кампаний, которые вызывали массовое возмущение граждан, ликвидации монастырей и храмов, арестов священнослужителей. Информация о проведении мероприятий негласного характера была известна очень ограниченному кругу лиц даже в высших эшелонах власти [7, с. 362].

Стратегической задачей ответственных за церковный вопрос лиц было формирование в государстве нового конфессионального поля. Необходимо было создать ситуацию, при которой ни одна из религиозных организаций не сможет образовать протестное движение, критичное для власти. В конце 1910-х гг. в европейской части бывшей Российской империи это касалось РПЦ. Начиная

¹Никольская Т. К. Русский протестантизм и государственная власть в 1905–1991 гг. : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02. СПб., 2003. 27 с.

²Гос. арх. Рос. Федерации (ГАРФ). Ф. 393. Оп. 27. Д. 1387. Л. 1–12.

с ноября 1917 г. высшее партийное военное руководство стало реализовывать мероприятия по разрушению РПЦ как единого административного и духовного института. Для этого необходимо было ликвидировать экономический потенциал, организационно-управленческую структуру Церкви, физически уничтожить часть клира и активных прихожан. Способствовать этому должны были отпадение от Церкви колеблющихся прихожан, создание условий для перехода православных в иные культы, а в дальнейшем – инспирирование отделения от канонической структуры всякого рода ответвлений. В программных документах РСДРП, теоретических выкладках К. Маркса, Ф. Энгельса и В. И. Ленина массовое распространение материалистического мировоззрения указывалось как приоритетная задача антирелигиозной работы [2, с. 14, 19, 27, 74]. С практической точки зрения руководство приняло стратегически верную тактику отрыва верующих от православия различными способами. Стоит отметить, что сил и средств на организацию действенной антирелигиозной пропаганды в 1920-х гг. в государстве не оказалось³. Исследователи и компетентные органы фиксировали религиозность среди населения на уровне 80–90 % в 1928–1929 гг.⁴ По мнению руководства партии, достаточный уровень функционирования системы антирелигиозной агитационно-пропагандистской работы, начавшейся в 1922–1923 гг., в рассматриваемый период достигнут не был⁵. Стимулирование принятия православными иных вероисповедований, в том числе оккультно-мистических, в конце 1910-х – начале 1920-х гг. было вынужденной мерой. По классификации Бонч-Бруевича секты, закрепившиеся и получившие развитие в Советском государстве, подразделялись на свободомыслящих и евангеликов [3, с. 161–164]. Только некоторые из них действовали на основании устоявшейся культовой практики и религиозного учения [3, с. 164–165]. Идентифицировать секты могли только специалисты. Перед реализующими антирелигиозную политику службами стояла достаточно сложная задача. С одной стороны, власти широко декларировали демократичность советского законодательства в области обеспечения подлинной свободы совести, равенства культов перед законом. Вместе с тем партийная пропаганда однозначно указывала на несовместимость советского строя с религией и Церковью [8, с. 7, 12, 74]. С другой стороны, РПЦ обладала колоссальным потенциалом по организации противостояния нововведениям большевиков, и с этим надо было что-то делать. Массового отхода верующих от Церкви в 1917–1919 гг. не произошло [12, с. 51].

Законными и легальными способами бороться с РПЦ было нерационально. Даже в более благоприятных в данном отношении 1930-х гг. это являлось очевидным. По организационному потенциалу вероучительной практики наибольшие перспективы прирастания новыми членами были у протестантских структур, которые наравне со всеми нехарактерными для Российской империи культурами относились в исследуемый период к сектантству [3, с. 3–5]. Еще на II съезде РСДРП В. И. Ленин указывал на то, что сектантство – одно из демократических движений в России, которое может стать базой для распространения социал-демократии⁶. Сразу после Октябрьской революции ведущие протестантские организации выступили резко против мер, реализуемых большевиками, однако достаточно быстро лидеры сектантов изменили мнение и не исключали «союза с социалистами» в борьбе «за свободу веры Христовой» [7, с. 359–360; 10, с. 13]. Религиозные организации, да еще и имеющие свои духовные центры за рубежом, не могли относиться одобряюще к марксизму, а тем более к его экспериментальному внедрению на практике в крайне воинственных формах в 1917–1918 гг. Между тем сектанты осознавали уязвимость своей социальной базы и оценивали возможности воздействия на нее ВЧК и регулярной армии. В то же время перспектива сотрудничества с новой властью или демонстрация лояльности сулили значительные дивиденды. До 1929 г. интересы протестантских организаций и структур, реализующих государственную политику по отношению к религии и Церкви, во многом совпадали.

Среди причин перехода православных организаций в протестантские следует выделить две основные. Первая причина имела мировоззренческую основу. Человек в поиске ответов на сокровенные вопросы обращался к тому или иному протестантскому учению [13, с. 384–388]. Вторая причина была связана с меркантильными интересами православных, что значительно настораживало пастырей протестантских церквей во второй половине 1920-х гг. [7, с. 364–365]. Массовый террор и категорические заявления большевистских лидеров о враждебности всех и всего, связанного с бывшим режимом, заставляли людей дистанцироваться от особо опасных в этом отношении общественно-политических институтов и персон. РПЦ была одним из проявлений бывшего режима. Безусловными преимуществами, которые могли дать человеку власть перед человеком, выступали его безопасность, жизнь и возможность социализироваться в советском обществе. Долгая Первая мировая война, дальнейшие боевые действия сделали возможность не служить в армии

³Нац. арх. Респ. Беларусь (НАРБ). Ф. 4п. Оп. 1. Д. 3508. Л. 1.

⁴Рос. гос. арх. соц.-полит. истории (РГАСПИ). Ф. 89. Оп. 4. Д. 125. Л. 2.

⁵ГАРФ. Ф. 5263. Оп. 2. Д. 7. Л. 1–2.

⁶Ленин В. И. Полное собрание сочинений. 5-е изд. Т. 6. Январь – август. 1902. М. : Госполитиздат, 1963. С. 431.

недостижимой мечтой потенциальных призывников и их родственников. Декрет СНК РСФСР «Об освобождении от воинской повинности по религиозным убеждениям» от 4 января 1919 г. упорядочил принимаемые с весны 1918 г. меры по предоставлению подобной привилегии отдельным категориям граждан⁷. Несомненно, это имело важное значение для привлечения adeptов в сектантские организации⁸. Декрет советской власти давал на это право, а первым признаком того, что человек не может по религиозным убеждениям держать в руках оружие, тем более убивать других людей, была принадлежность к соответствующему культу. С учетом того что приверженцы большинства сектантских групп до 1917 г. служили в царской армии и не высказывали по этому поводу категорических суждений, это был политический жест, а не гуманистический порыв со стороны Л. Д. Троцкого и В. И. Ленина [6, с. 400, 413]. Такая возможность избежать сложного, а часто и смертельно опасного периода в своей жизни вынуждала многих воспользоваться случаем и перейти в соответствующее религиозное течение⁹. Причем это никак не было связано с их религиозными убеждениями¹⁰. Подобная поправка ограничивалась множеством бюрократических процедур, подводивших некоторых призывников под уголовную статью как отказников¹¹. Окончательное решение принимали уполномоченные органы и ВЧК (ОГПУ), но, по мнению ответственных антирелигиозников и клириков, это стимулировало переход православных (возможно, и атеистов) в секты¹². Прельщались такой возможностью и православные клирики¹³.

Подобная поддержка религиозных организаций властью могла осуществляться только на взаимовыгодной основе с безусловным приоритетом интересов государственных структур. Задача ослабления РПЦ была значимой, но и создавать новые религиозные структуры, не согласовывающие свои действия с компетентными органами, было нерационально¹⁴. Первоначально хаотичный процесс распространения новых религиозных направлений с 1923 г., особенно после совещания идеологических работников в Москве в 1926 г., начал активно изучаться и в значительной степени регулироваться в сторону ограничительных мер¹⁵. Другое дело, что спрогнозировать развитие ситуации с неизвестны-

ми ранее религиозными организациями в условиях начала 1920-х гг. не представлялось возможным¹⁶. Практически отсутствовали серьезные научные труды на эту тему, анализ ситуации основывался на вероучении культов и декларациях их руководства, а не на объективных данных. Политический аспект превалировал над научной объективностью [7, с. 47, 53; 10, с. 47, 61]. Властям к 1922 г. нужны были не активно занимающиеся прозелитизмом сектантские группы, а пассивные исполнители решений как в области политики, так и в области социально-экономических нововведений¹⁷. В 1922–1923 гг. государственная политика по отношению к сектантским деноминациям проводилась в следующих направлениях: полный контроль над руководящими органами религиозных организаций, стимулирование разделов и объединений внутри различных направлений.

Религиозные лидеры были интересны Антирелигиозной комиссии (АРК) при ЦК ВКП(б) по двум главным причинам. Во-первых, они имели связь с внешним миром. Духовные и финансовые центры основных протестантских организаций находились на Западе. Их влияние на мировую политику и экономику было определяющим. Советы стремились к международному признанию. Народное хозяйство остро нуждалось в концессиях и технологиях. В этом плане протестантские организации на определенный период получили своеобразную охранную грамоту. Однако за это необходимо было не только нацеливать братьев по вере на сотрудничество с хозяйствующими субъектами в СССР, но и демонстрировать на международном уровне демократичность советской политики по отношению к религии и Церкви, отсутствие ограничений по вероисповедному признаку [4, с. 88; 6, с. 427]. В зависимости от поведения руководства того или иного культа власти давали возможность его последователям общаться с единоверцами из-за рубежа, получать оттуда печатную продукцию и финансовые средства [4, с. 56; 6, с. 425]. Во-вторых, лидеры религиозных организаций демонстрировали лояльность по отношению к советской власти [6, с. 427]. Они должны были обеспечить по крайней мере нейтральное отношение к мероприятиям официальных органов у простых верующих в знак благодарности за возможность полноценно исповедовать свою веру [4, с. 59, 68, 88, 97].

⁷ГАРФ. Ф. А353. Оп. 8. Д. 8. Л. 69–70.

⁸НАРБ. Ф. 4п. Оп. 1. Д. 658. Л. 22.

⁹Там же. Д. 2325. Л. 22.

¹⁰Там же. Д. 1103. Л. 152об.

¹¹ГАРФ. Ф. А353. Оп. 8. Д. 8. Л. 70, 72.

¹²НАРБ. Ф. 4п. Оп. 1. Д. 2429. Л. 9–10об.

¹³Там же. Л. 10об.

¹⁴РГАСПИ. Ф. 89. Оп. 4. Д. 56. Л. 13.

¹⁵НАРБ. Ф. 4п. Оп. 1. Д. 3508. Л. 14–15, 25–26; Там же. Д. 2429. Л. 5–10об., 63–64об.

¹⁶Гос. арх. обществ. об-ний Гомел. обл. Ф. 2. Оп. 1. Д. 338. Л. 53–53об.

¹⁷НАРБ. Ф. 4п. Оп. 1. Д. 2429. Л. 40–41.

Следует отметить, что доктринальные основы деятельности протестантских церквей требовали лояльности к властям в стране проживания, в то же время в Советском государстве протестантские организации, по сравнению с жесточайше гонимой РПЦ, были притесняемы в меньшей степени¹⁸. В 1920-х гг. они могли проводить свои съезды, с определенными ограничениями издавать и получать из-за рубежа печатную продукцию, однако, как и все не скрывающие своего положительного отношения к религии граждане, были отнесены к категории неблагонадежных [13, с. 221–222, 384–387]. Большевики не собирались поддерживать формирование мощных религиозных новообразований и популяризировать их идеи, хотя и такие мнения иногда проскальзывали¹⁹. Некоторые же новые культы имели такие темпы роста и такую степень влияния на население, особенно на молодежь, что угрожали уже не только традиционным конфессиям, но и органам государственного управления, партийным и комсомольским структурам [6, с. 425; 8, с. 54–62]. Перед антирелигиозниками стояла задача не допустить подобной степени влияния сектантов на население, но при этом сохранить внешне терпимое отношение к гонимым царским режимом культам в 1920-х гг.²⁰ Особая тонкость работы компетентных органов состояла в том, чтобы все нужные для властей, но не популярные среди сектантов решения принимали сами единоверцы [6, с. 426]. И здесь были приемлемы все непубличные способы: аресты, угрозы²¹, шантаж, подкуп и т. д. [4, с. 46, 62, 64]. В случае отказа вышестоящего руководства «простимулированные» низшие организации должны были продвигать те или иные согласованные с кураторами из ОГПУ решения. В целях разделения деноминаций на части или объединения лояльных групп для противостояния не идущим на уступки руководящим органам религиозных организаций инспирировались внутрицерковные разногласия [4, с. 428; 6, с. 83].

Между тем взгляды некоторых сектантских направлений на государственное строительство, реальное отношение к правящему режиму, их подчинение духовным центрам и лидерам, находящимся за рубежом, во многом не учитывались²². При этом на официальном уровне лидеры ведущих сектантских организаций всячески старались подчеркнуть свою лояльность по отношению к советской вла-

сти, близость идеалов коммунизма и христианства протестантского толка [10, с. 45–53]. В совместном заявлении евангельских христиан, баптистов, адвентистов, молокан и духоборов, опубликованном в середине 1920-х гг. в советской прессе, указывалось, что «советско-коммунистическое строительство» только выиграет от многочисленности сектантов [10, с. 53, 77]. Ответственные антирелигиозники уже понимали, что количество лишь официально зарегистрированных организаций и их членов становится критическим²³. Только в молодежном сектантском движении было объединено около 2 млн юношей и девушек [10, с. 69]. По оценкам компетентных органов, в Стране Советов могло быть от 18 до 30 млн сектантов²⁴. В Восточной Беларуси за 10–12 лет численность некоторых общин увеличилась в 7–8 раз, хотя были и такие, которые прирастали, скорее всего, за счет увеличения количества членов семей²⁵. Следует отметить, что в высокой доле сектантов были заинтересованы как сторонники жесткого курса по отношению к сектантам и остальным религиозникам в целях ужесточения давления, так и протестантские организации и лидеры, значительно укрепившиеся материально и рассчитывавшие на большие объемы финансирования из-за рубежа²⁶.

С учетом возможностей государственного регулирования вопросов, связанных с миссионерской, организационно-управленческой, административно-хозяйственной деятельностью религиозных организаций, ОГПУ и АРК надеялись получить в большинстве своем лояльное сектантское движение²⁷. Важным был и рычаг давления через разрешение или запрет на общение с единоверцами и духовными центрами за рубежом [6, с. 427]. Тем более от решений АРК зависел и объем возможной финансовой помощи [6, с. 425]. Руководители баптистов и евангельских христиан вынуждены были идти на уступки властям в их оценке общественно-политической ситуации, в том числе по вопросу службы в рядах Красной армии [6, с. 342, 361, 426]. Первоначально компетентные органы сконцентрировали внимание на руководящих органах. Путем сложных манипуляций удалось установить контроль за лидерами основных протестантских направлений, которые проводили политику, не входящую в острые противоречия с официальными структурами.

¹⁸Никольская Т. К. Русский протестантизм и государственная власть в 1905–1991 гг. 27 с.

¹⁹НАРБ. Ф. 4п. Оп. 1. Д. 2429. Л. 40.

²⁰Там же. Д. 3508. Л. 1.

²¹Там же. Д. 1000. Л. 26.

²²РГАСПИ. Ф. 5 Оп. 2. Д. 55. Л. 158–161.

²³Там же. Ф. 17. Оп. 60. Д. 793. Л. 111–117.

²⁴ГАРФ. Ф. Р1235. Оп. 38. Д. 52. Л. 4.

²⁵НАРБ. Ф. 4п. Оп. 1. Д. 2429. 64–64об.

²⁶Дьяченко О. В. Формирование протестантского меньшинства в восточной Беларуси в конце XIX – первой половине XX века // Этнография Белорус. Поднепровья : материалы науч. конф.; 30 нояб. – 1 дек. 1999 г.; Могилёв, Беларусь. Могилёв : МогГУ, 1999. С. 40–50.

²⁷РГАСПИ. Ф. 5 Оп. 2. Д. 55. Л. 161.

Рядовые верующие не всегда были согласны с решениями своих руководителей или не могли понять некоторые их действия²⁸, что стимулировало отделение наиболее радикально настроенных адептов [6, с. 409–413, 427]. Дробление новых культов и стимулирование роста численности сектантов за счет православных привели к увеличению количества людей, не относящих себя к официально зарегистрированным организациям и враждебно настроенных на мероприятия властей. Контролировать и тем более привлекать их на свою сторону было невозможно.

К началу 1930-х гг. подобные образования на территории СССР сформировались в том числе из православных верующих и клира в силу проводимых властями мероприятий по дроблению РПЦ [5, с. 290]. Процесс административного воздействия был запущен еще в начале 1920-х гг.²⁹ Уничтожение православия являлось для антирелигиозников самой сложной задачей. Широкая социальная база, традиции, моральные принципы клириков, особенно высших иерархов, существенно ограничивали возможности воздействия на внутрицерковную жизнь. Тем более что обозначенные Поместным собором РПЦ преобразования значительно модернизировали административно-управленческую структуру организации³⁰. Возвращаемая в лоно РПЦ соборность утверждала коллективное участие и коллективную ответственность и за судьбу прихода, епархии, и за судьбу всей РПЦ. Восстановление патриаршества и избрание патриархом иерарха, неспособного на компромиссы с совестью, значительно усложнили задачу уничтожения православия. Успехи в этом направлении деятельности к началу 1920-х гг. уже имелись. Значительная часть клира или была убита, или покинула страну. Такая же судьба постигла и многих воцерковленных светских лиц [11, с. 133–150]. Практически полностью было отобрано движимое и недвижимое имущество, максимально ограничены возможности получения средств к существованию [7, с. 83–88]. Однако православных в стране насчитывалось десятки миллионов. В основном это были крестьяне, приветствовавшие экспроприацию собственности крупных землевладельцев, но никак не желавшие терять традиционный строй, где религия и церковь были важнейшими составляющими. И пускай для него Иисус Христос, Богородица и Николай Чудотворец были троицей единосущной и нераздельной, но отношение к миру у него было православным. С начала 1920-х гг. православные храмы все активнее начали наполняться верующими. Из казенной православная церковь все больше

превращалась в народную. К своим пастырям население относилось уже с большим доверием, чем до революции, и это не давало возможности продолжать активную репрессивную политику в отношении духовенства. Миряне активно включились в создание церковно-приходских советов и обеспечение функционирования храмов. Хотя и процессы секуляризации общества набирали обороты [1, с. 69–85]. Социально-экономический кризис и попытки проведения НЭПа не позволяли властям полностью игнорировать общественное мнение, а влияние на него РПЦ, особенно в деревне, было значительным. В. И. Ленин совместно с Л. Д. Троцким в начале 1922 г. под предлогом борьбы с голодом в Поволжье инициировали резкую краткосрочную атаку на религиозные организации, главным образом на РПЦ [5, с. 69]. Верующие в большинстве своем догадывались о предназначении кампании по изъятию церковных ценностей³¹. Многие указывали на то, что они уходят не на борьбу с голодом. Однако миллионы людей ждала голодная смерть и им надо было помочь, а открытое сопротивление означало немедленные репрессивные меры. РПЦ активно помогала голодающим, но приоритетной для государственных органов в данном случае была задача нанести по ней наиболее сильный удар [5, с. 88–92]. Переход к НЭПу требовал и отказа от резких антирелигиозных кампаний. Значительный объем работ по борьбе с влиянием РПЦ в 1922 г. перешел в непубличную плоскость и сконцентрировался на дроблении православия. Именно раскол выступал и как трагедия для РПЦ, и как возможность создания подконтрольного властям церковного управления [5, с. 88–92; 6, с. 395–398]. Главный лозунг нового движения должен был мотивировать на отказ от прошлого, его ломку и построение нового будущего в русле социал-демократических идей. В церковном варианте это звучало как обновление, отсюда и название движения – «обновленчество». Работа по данному направлению была сконцентрирована в руках секретного отдела ОГПУ и АРК [4, с. 32–60]. На первоначальном этапе окружение патриарха, иерархов РПЦ, в том числе заявлявших о необходимости дальнейших преобразований согласно решениям Поместного собора РПЦ 1917–1918 гг., к планируемой операции привлечь не удалось [11, с. 218–220, 237]. В 1922 г. необходимо было форсировать события. Проведение НЭПа не могло не отразиться на общественно-политической ситуации в стране. Остро стоял вопрос нормализации отношений с иными государствами, а для этого необходимо было лояльное церковное управление.

²⁸НАРБ. Ф. 4п. Оп. 1. Д. 1103. Л. 151–152.

²⁹РГАСПИ. Ф. 89. Оп. 4. Д. 57. Л. 2.

³⁰ГАРФ. Ф. 3431. Оп. 1. Д. 161. Л. 1–139.

³¹Янушевич И. И. Конфессиональная политика советского государства: уроки истории (1917–1928 гг.). Минск : БГУ, 2005. С. 88–90.

Попытка расчленения РПЦ на отдельные приходы посредством советского законодательства не могла быть реализована в силу православного вероучения. Внешне соглашавшиеся на сотрудничество клирики ссылались на зависимость от решений вышестоящего церковного руководства. Для ликвидации «контрреволюционной верхушки» ОГПУ 21 марта 1922 г. внесло в Политбюро ЦК РКП(б) предложение о необходимости ареста синода и патриарха Тихона, организации их переизбрания и замены руководства на местах «настроенными более лояльно к советской власти» клириками и членами церковно-приходских советов [9, с. 93]. Из числа духовенства чекисты определили группу лиц, считавших для себя возможным подобное взаимодействие с официальными структурами. Один из будущих организаторов обновленческого раскола А. И. Введенский еще в 1919 г. предлагал свои услуги в разработке механизмов взаимоотношений между государством и РПЦ [10, с. 16–17; 11, с. 67]. Как человек образованный, изучавший историю и проживший в Стране Советов к 1922 г. более четырех лет, он, безусловно, отчетливо осознавал, на каких условиях возможно такое сотрудничество. Еще один из лидеров обновленческого движения В. Д. Красницкий в том же 1919 г. активно популяризировал идею сотрудничества РПЦ и атеистической власти на условиях последней³².

На высшем государственном уровне стратегию разрушения и подчинения Церкви всячески продвигал Л. Д. Троцкий, который на заседании политбюро 30 марта 1922 г. предложил следующий план действий: «Спровоцировать церковный раскол, устранить патриарха Тихона и содействовать приходу в высшее церковное управление обновленческих деятелей, тогда можно будет не принимать православную церковь в расчет как фактор политической жизни в России» [5, с. 78]. Накопившиеся экономические и политические противоречия в обществе вынуждали власти действовать менее агрессивно. Помочь найти точки соприкосновения для достижения определенного консенсуса в сложившейся ситуации могла лояльная позиция духовенства. На местах данная работа проводилась, и были желающие использовать текущий момент в корыстных целях [11, с. 185–192]. Различного рода помощь и угрозы обусловили дезориентацию некоторых клириков³³. С апреля 1922 г. в соответствии с распоряжением секретаря ЦК РКП И. В. Сталина в штате парторганов назначался ответственный работник по церковным вопросам, а также по вопросам раскола внутри духовенства: «Лояльные элементы

духовенства должны получить уверенность, что советская власть не позволит контрреволюционным иерархам расправиться над демократическими элементами духовенства»³⁴. Таким образом правящая партия четко указывала на необходимость вмешательства во внутренние дела РПЦ. Для легитимации подобранного ВЧК контингента в качестве руководства РПЦ была развернута целая штабная операция. Государственные органы начали активно помогать обновленцам по трем основным направлениям: легализации высшей церковной власти, отъему богослужебных зданий и иной собственности у сторонников патриарха Тихона, оказанию финансовой и организационной помощи на местах [6, с. 249–250, 331–332, 345, 360, 396–397].

Для легитимации подобранного ВЧК контингента в качестве руководства РПЦ следовало изолировать существующее церковное управление. Патриарх Тихон был помещен под домашний арест как обвиняемый по преступлениям, за которые могла быть применена высшая мера революционной защиты. В целях получения резолюции о передаче церковного управления 12 мая 1922 г. к нему была допущена инициативная обновленческая группа. С учетом неблагоприятных перспектив участия в данном процессе первосвятитель разрешил членам делегации упорядочить патриаршую канцелярию, а своим заместителем на время отсутствия назначить митрополита Ярославского Агафангела [1, с. 88]. Но уже 16 мая 1922 г. обновленцы объявили о переходе к ним управления РПЦ. Митрополит не был допущен в Москву. Создавалось альтернативное Высшее церковное управление (ВЦУ). Учредительное собрание обновленческой организации «Живая церковь» состоялось 29 мая 1922 г. [4, с. 283]. Теперь властям предстояло обеспечить видимость преемственности и легитимности перехода высшей церковной власти к новой модели управления, ликвидировать сопротивление нововведениям иерархов РПЦ, обеспечить поддержку обновленческого движения церковно-приходскими советами и духовенством на местах. Задача АРК первоначально рассматривалась как фактически механическое устранение патриарха Тихона, его «контрреволюционного» окружения и проведение «поместного собора» для избрания новой церковной власти [4, с. 31, 38]. С учетом выдвинутых против патриарха обвинений мера наказания должна была соответствовать текущему моменту и степени «раскаяния» Тихона, его участия в оперативной игре [4, с. 50, 69, 78–81, 83]. Здесь необходимо было учитывать два основных фактора – организационный и пропагандистский. К осени

³²ГАРФ. Ф. А353. Оп. 3. Д. 795. Л. 1–14.

³³Там же. Ф. Р1235. Оп. 140. Д. 60. Л. 521.

³⁴Сосуд избранный. История российских духовных школ в ранее не публиковавшихся трудах, письмах деятелей Русской православной церкви, а также в секретных документах руководителей Советского государства. 1888–1932 / сост. М. Складорова. СПб. : Борей, 1994. 316 с.

1922 г. Тихон и его сторонники в центральном регионе были либо арестованы, либо смещены с должностей, либо намечены к высылке [4, с. 32, 38, 49]. Работа продолжалась. Похожая ситуация складывалась и в епархиях. Центральной фигурой выступали патриарх Тихон и сам институт патриаршества как гарант сохранения РПЦ. Проведение грамотно «срежиссированного» суда над патриархом и его «соучастниками» с привлечением лучших специалистов в юриспруденции со стороны обвинения, необходимой «доказательной базы» не представляло особых затруднений [4, с. 50, 67, 69]. Признать патриарха невиновным советский суд не мог по определению. Однако с пропагандистской точки зрения любой приговор был невыгоден и для имиджа страны за рубежом, и для восприятия властей православными верующими. Выдвигаемые обвинения в контрреволюционных действиях не несли угрозы социалистическому строю и советским гражданам, а для православных подобная независимая позиция первосвященника усиливала его авторитет. В случае применения высшей меры наказания Тихон стал бы священномучеником, что, безусловно, не входило в планы антирелигиозников [6, с. 401]. Давление на патриарха можно было оказать только состоянием дел в РПЦ. К весне 1923 г. перед большевиками стоял вопрос уже не только о том, как ослабить тихоновцев, но и как не допустить критичного усиления обновленцев и перехода полномочий в ВЦУ к псевдообновленцам.

Не могла не настораживать ситуация вокруг созыва «поместного собора». С августа 1922 г. он не единожды переносился [6, с. 363]. Было обеспечено финансовое сопровождение мероприятий. АРК разработала повестку дня [4, с. 61, 64, 66]. Собравшиеся 29 апреля – 9 мая 1923 г. сторонники обновленчества приняли нужные ОГПУ решения. Патриарх был лишен сана и монашества. Патриаршество в РПЦ ликвидировалось. Были узаконены ряд нововведений, нехарактерных для православия. Делегация «поместного собора» была допущена к патриарху 8 мая 1923 г. и передала ему приговор, с которым он не согласился «ни по форме, ни по существу» [9, с. 100]. Не располагая достоверной информацией о состоянии дел в РПЦ, Тихон пошел на уступки ОГПУ и 16 июня 1923 г. подал в Верховный суд РСФСР заявление с признанием в своей «антисоветской деятельности» и просьбой об освобождении [4, с. 82; 9, с. 101]. АРК, рассмотрев заявление патриарха, рекомендовало ему «усилить» некоторые позиции и 26 июня 1923 г. приняло решение «Тихона из-под стражи освободить 27 июня» [4, с. 81–83]. Заявления патриарха были восприняты неодно-

значно³⁵. Следует отметить, что амнистия патриарха способствовала освобождению многих иных клириков, обвиняемых в сопротивлении изъятию церковных ценностей. Вместо «вышки» или заточения на Валаам патриарх Тихон вышел на свободу. Безусловно, внезапное освобождение, просьба о помиловании в суд, публичное раскаяние, растиражированное советской прессой, вызвали смущение у отдельных граждан. Для некоторых в дальнейшем это стало поводом отхода от официальных церковных структур. Однако стремительное возвращение иерархов и простых клириков в ложе тихоновской церкви с лета 1923 г. нивелировало результат труда огромного отряда борцов с религией. В рядах обновленцев могли остаться только те, кто никоим образом не мог соответствовать статусу православного пастыря. Среди принесших покаяние был и митрополит Минский Мелхиседек³⁶. Несмотря на рост числа приходов, влияние обновленцев на верующих было ограничено. Органы предпринимали меры к сдерживанию «раскаившихся» и параллельно вели работу по дальнейшему расчленению окружения, сторонников патриарха на противоборствующие группы. Представители ОГПУ категорически стали настаивать на необходимости формирования объединенной с обновленцами системы управления РПЦ [6, с. 443]. Представителем в патриарший Синод был делегирован протоиерей В. Д. Красницкий³⁷. Репутация данного клирика была к этому времени уже крайне сомнительна и скандальна. Следует отметить, что, несмотря на освобождение патриарха и возвращение в лоно Церкви многих отпавших по разным причинам ее чад, государство не признавало руководящих органов РПЦ. Единственным законным церковным институтом был приход. В то же время обновленческие структуры имели легальный статус. Объединение могло узаконить управленческие структуры РПЦ, но одновременно могло и разрушить церковь. Недоверие к провластным обновленцам компрометировало всех сотрудничающих с ними [6, с. 446]. Патриарх отчетливо понимал, что они уже переступили черту невозврата как представители организации, называвшей себя православной церковью. Интерпретации текстов публичных покаяний патриарха 1923 и 1925 гг. и вопрос с определением кандидатуры его правопреемника спровоцировали несколько новых подконтрольных ОГПУ расколов [9, с. 116–119; 12, с. 140–156]. Группы григорьевцев, даниловцев, непоминающих, автокефалистов, истинно православных отказались признавать митрополита Сергия главой Церкви и фактически вышли из лоно канонической РПЦ [12, с. 149, 155].

³⁵РГАСПИ. Ф. 89. Оп. 4. Д. 118. Л. 37–40.

³⁶Акты Святейшего Патриарха Тихона и позднейшие документы о преемстве высшей церковной власти. 1917–1943 гг. / сост. М. Е. Губонин. М.: Изд-во Православ. Св.-Тихон. богосл. ин-та, 1994. 1064 с.

³⁷Там же. С. 317, 329.

Таким образом, новое политическое руководство минимизировало любые возможности оппозиционных сил. В рамках политики по снижению религиозности населения реализовывался комплекс мер по сужению социальной базы РПЦ. Среди способов решения поставленной задачи были оказание максимально жесткого давления на клир и верующих, а также разрушение административно-управленческой структуры РПЦ. Иные культы не испытывали такого рода гонений в исследуемый период. Деятельность получивших поддержку протестантских

организаций подвергалась негласному вмешательству компетентных органов. Отход от РПЦ части колеблющихся прихожан не оказал существенно-го влияния на ее функционирование в силу того, что в ее лоне остались главным образом верующие, готовые на определенные ограничения и жертвы. Вмешательство во внутренние дела РПЦ в 1920-х гг. не привело к переходу ее управления к представителям органов государственной власти, однако положило начало череде расколов и формированию ряда противоборствующих групп.

Библиографические ссылки

1. Шишкин АА. *Сущность и критическая оценка «обновленческого» раскола русской православной церкви*. Казань: Издательство Казанского университета; 1970. 367 с.
2. Бонч-Бруевич ВД. *Избранные сочинения. Том 1. О религии, религиозном сектантстве и церкви*. Москва: Академия наук СССР; 1959. 410 с.
3. *О религии и церкви: сборник высказываний классиков марксизма-ленинизма, документов КПСС и Советского государства*. Москва: Политиздат; 1981. 176 с.
4. Лобанов ВВ, составитель. *Протоколы Комиссии по проведению отделения церкви от государства при ЦК РКП(б)–ВКП(б) (Антирелигиозной комиссии). 1922–1929 гг.* Москва: Издательство Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета; 2014. 381 с.
5. Щапов ЯН, редактор, Масальская АС, составитель. *Русская православная церковь и коммунистическое государство, 1917–1941. Документальные и фотоматериалы*. Москва: Библиейско-богословский институт святого апостола Андрея; 1996. 328 с.
6. Покровский НН, Петров СГ, составители. *Политбюро и церковь. 1922–1925 гг. Книга 1*. Новосибирск: Сибирский хронограф; 1997. 597 с. (Архивы Кремля).
7. Митрохин ЛН. *Баттизм: история и современность*. Санкт-Петербург: РХГИ; 1997. 480 с.
8. Кривова НА. *Власть и церковь в 1922–1925 гг. Политбюро и ГПУ в борьбе за церковные ценности и политическое подчинение духовенства*. Москва: АИРО-XX; 1997. 247 с.
9. Шкаровский МВ. *Русская православная Церковь в XX веке*. Москва: Вече; 2010. 480 с. Совместно с издательством «Лепта».
10. Алексеев ВА. *Штурм небес отменяется? Критические очерки по истории борьбы с религией в СССР*. Москва: Россия молодая; 1992. 304 с.
11. Цыпин В. *Русская церковь (1917–1925)*. Москва: Издательство Сретенского монастыря; 1996. 335 с.
12. Поспеловский ДВ. *Русская православная церковь в XX веке*. Москва: Республика; 1995. 351 с.
13. Бычков АМ. *История евангельских христиан-баптистов в СССР*. Москва: Издательство ВСЕХБ; 1989. 623 с.

References

1. Shishkin AA. *Sushchnost' i kriticheskaya otsenka «obnovlencheskogo» raskola russkoi pravoslavnoi tserkvi* [The essence and critical assessment of the «renovationist» split of the Russian Orthodox Church]. Kazan: Izdatel'stvo Kazanskogo universiteta; 1970. 367 p. Russian.
2. Bonch-Bruevich VD. *Izbrannyye sochineniya. Tom 1. O religii, religioznom sektantstve i tserkvi* [Selected Works. Volume 1. On religion, religious sectarianism and the church]. Moscow: Akademiya nauk SSSR; 1959. 410 p. Russian.
3. *O religii i tserkvi: sbornik vyskazyvaniy klassikov marksizma-leninizma, dokumentov KPSS i Sovetskogo gosudarstva* [On religion and the church: a collection of statements by the classics of Marxism-Leninism, documents of the CPSU and the Soviet State]. Moscow: Politizdat; 1981. 176 p. Russian.
4. Lobanov VV, compiler. *Protokoly Komissii po provedeniyu otdeleniya tserkvi ot gosudarstva pri TsK RKP(b)–VKP(b) (Anti-religioznoi komissii). 1922–1929 gg.* [Protocols of the Commission for the separation of church from state under the Central committee of the RCP(b)–VKP(b) (Anti-Religious Commission). 1922–1929]. Moscow: Izdatel'stvo Pravoslavnogo Svyato-Tikhonovskogo gumanitarnogo universiteta; 2014. 381 p. Russian.
5. Shchapov YaN, editor; Masal'skaya AS, compiler. *Russkaya pravoslavnaya tserkov' i kommunisticheskoe gosudarstvo, 1917–1941. Dokumental'nye i fotomaterialy* [The Russian Orthodox Church and the Communist State, 1917–1941. Documentary and photographic materials]. Moscow: Bibleisko-bogoslovskii institut svyatogo apostola Andreyaya; 1996. 328 p. Russian.
6. Pokrovskii NN, Petrov SG, compilers. *Politbyuro i tserkov'. 1922–1925 gg. Kniga 1* [Politburo and Church. 1922–1925. Book 1]. Novosibirsk: Sibirskii khronograf; 1997. 597 p. (Arkhivy Kremlya). Russian.
7. Mitrokhin LN. *Baptizm: istoriya i sovremennost'* [Baptism: history and modernity]. Saint Petersburg: Russkii khristianskii gumanitarnyi institut; 1997. 480 p. Russian.
8. Krivova NA. *Vlast' i tserkov' v 1922–1925 gg. Politbyuro i GPU v bor'be za tserkovnyye tsennosti i politicheskoe podchinenie dukhovenstva* [Power and Church in 1922–1925. Politburo and GPU in the struggle for church values and political subordination of the clergy]. Moscow: AIRO-XX; 1997. 247 p. Russian.
9. Shkarovskii MV. *Russkaya pravoslavnaya Tserkov' v XX veke* [Russian Orthodox Church in the 20th century]. Moscow: Veche; 2010. 480 p. Co-published by the «Lepta». Russian.

10. Alekseev VA. *Shturm nebes otmenyaetsya? Kriticheskie ocherki po istorii bor'by s religiej v SSSR* [Is the storming of heaven canceled? Critical essays on the history of the struggle against religion in the USSR]. Moscow: Rossiya molodaya; 1992. 304 p. Russian.

11. Tsylin V. *Russkaya tserkov' (1917–1925)* [Russian Church (1917–1925)]. Moscow: Izdatel'stvo Sretenskogo monastyrja; 1996. 335 p. Russian.

12. Pospelovskiy DV. *Russkaya pravoslavnaya tserkov' v XX veke* [Russian Orthodox Church in the 20th century]. Moscow: Respublika; 1995. 351 p. Russian.

13. Bychkov AM, compiler. *Istoriya evangel'skikh khristian-baptistov v SSSR* [History of Evangelical Christians-Baptists in the USSR]. Moscow: Izdatel'stvo Vsesojuznogo soveta evangel'skikh hristian-baptistov; 1989. 623 p. Russian.

*Статья поступила в редколлегию 10.08.2021.
Received by editorial board 10.08.2021.*